

«СЕРДЦЕ, ВМЕСТИВШЕЕ В СЕБЯ МИР»

Может, это и о нем написано «лобастые мальчишки невиданной революции»?

Великий Октябрь он встретил 17-летним. По нынешним меркам — еще мальчиком. Но тогда... Позади у Всеволода Вишневского было уже несколько лет кровавой войны. Первой мировой. Он, гимназист, сбежал на фронт, чтоб сражаться не за веру и царя — за Отечество. А оказалось, что главные сражения за Отечество — новое, социалистическое — были для него впереди, начиная от штурма Зимнего, в котором он непосредственно участвовал. А потом — кипящая от пуль и снарядов Волга и палуба легендарного буксира «Ваня-коммунист» № 5. Степи Дона и Украины, где парень из «матросского полка» стал уже конармейцем-буденновцем, а его «палубой» были стальные плиты бронепоезда. Республиканская Испания, где вступили в первый бой с фашизмом и он сам, и его герои из «Оптимистической трагедии» и фильма «Мы из Кронштадта». Блокадный Ленинград, откуда голос Вишневского, к тому времени уже знаменитого писателя, набатом разносился по всем фронтам Великой Отечественной... Наконец, Берлин и Нюрнберг, где он стал свидетелем и летописцем суда над военными преступниками.

Как много может вместить даже короткая — всего пятьдесят лет — жизнь человека, если это замечательный человек! Как увлекательно — и полезно! — проследить великие становления такого характера, цельного и кипучего,

Заметки о новой книге, посвященной жизни и творчеству Всеволода Вишневского

словно специально рожденного для бурь революции. Думается, хорошим подарком для юношества — и не только — станет недавно вышедшая в серии ЖЗЛ книга В. Хелемендика*. Книга ученого и страстного публициста. Впрочем, о Вишневском и нельзя писать бесстрастно, он ведь и сам — вихрь, огонь, сгусток энергии.

Биографии замечательных людей — трудный жанр. Это спустя много лет кажется их жизненный путь прямым и устремленным прямо к цели, а их мысли — словно бы сразу вылившимися на бумагу. Но не бывает великих идей без великих же страстей. Человек живет среди людей, лишь это питает его полноценным материалом для раскрытия и утверждения таланта. Даже самые «кабинетные» ученые (скажем, Гегель) не могли не испытать на себе мощное влияние бурных событий века. Ну, а писатель без знания жизни, без собственной яркой биографии — чаще всего лишь эпигон, даже если и не без способностей. Однако биограф подстергает и другая опасность — увлечься резкими поворотами «сюжета» в судьбе героя и упустить главное — становление его личности, наиболее интересного в нем.

* В. Хелемендик. Всеволод Вишневский. Серия «Жизнь замечательных людей». М., «Молодая гвардия», 1980.

Виктор Хелемендик избежал крайностей. Перед нами творческая биография писателя-большевика, патриота. И мы можем зримо представить, как формировался в силовом поле эпохи этот своеобразный сплав железной воли и огненного темперамента, обширных знаний, твердых идейных убеждений.

И в книге о нем с каждой новой страницей все более отчетливо ощущаешь, как он, матрос революции, плоть от плоти и кровь от крови своего народа, пробивался и в литературе к самой глубинной сути — к своему народу. Программы для него слова: «Мы делали жизнь, а не только литературу». Или другое: «Настоящая литература — это всегда душа, сердце *одного*, вместившее в себя мир. У нас путают напечатанное с литературой».

Боец по натуре, он и в творчестве — воитель, неистовый полемист. Разве не в полемике с авторами, искажавшими суть гражданской войны или отводившими вооруженному народу лишь роль некоего фона для романтических приключений главных героев, родилась «Первая Конная» Вишневского? Пьеса, герой которой — сам народ, творящий свою судьбу. Народ, сражающийся и побеждающий.

Вспоминаются слова из выступления Всеволода Вишнев-

ского на I Всесоюзном съезде писателей СССР. Тогда он, не отрицая творчества таких писателей, как Юрий Олеся, признавая талантливость их «абстрактных, хрустально-прозрачных построений о будущем», обратился к ним с призывом: «...лишите о хрустале, о любви, о ненависти и прочем. Но при этом всегда должны мы держать в исправности хороший револьвер и хорошо знать тот приписной пункт, куда надлежит явиться в случае необходимости».

Сам-то он уже на пятый день войны был в Таллине, стал одним из организаторов обороны города. Задолго до военной грозы он чувствовал ее приближение и всемерно помогал партии готовить к ней страну. Немало ярких страниц в книге В. Хелемендика рассказывают о том, как настойчиво изучал Вишневский военное дело, как блестяще владел несколькими языками и со знанием дела писал статьи и брошюры о флотах империалистических держав, как он организовывал своеобразные сборы для писателей, приобщая их к жизни Красной Армии. Он был и одним из первых руководителей журнала «Знамя», вокруг которого группировались тогда авторы военно-патриотической темы.

Книга В. Хелемендика помогает развеять многие мифы о Вишневском. В частности, о

его совместной работе с В. Мейерхольдом над «Последним решительным», которая трактовалась иными критиками, как «Поражение Вишневского и победа Мейерхольда» (цитируется заголовок одной из статей).

Автор приводит ответ Вишневского оргсекретарю Всесоюзного драматического театра, склонявшему его к компромиссу, когда творческие дороги драматурга и режиссера разошлись.

«...Я хочу быть Вишневским. Мне три десятка лет, и я сумеем, будь я проклят, сделать крупное дело. Я не могу органически подчиняться тончайшей старой культуре Мейерхольда... Я тогда теряю свое. Я все-таки больше, чем он, от нового, зычного, сильного».

«Последний решительный» в моей читке — одно, в постановке Мейерхольда — другое. Пусть пахнет от моего творчества грубой кожей, потом, кровью...».

Но и «матрос» Вишневский далеко не так прост, как это может показаться на беглый взгляд. В книге В. Хелемендика множество убедительных, порой малоизвестных, фактов раскрывают огромную работу Вишневского не только художника, чутко вслушивающегося в народную речь, но и глубокого исследователя. Так, он очень помог К. Федину, когда тот, работая над своей трилогией, обратился за советом по

событиям 1919 года. Мало того, что послал ему подборку материалов и редкую книгу из личной библиотеки, так еще и в большом — на 25 машинописных страниц — письме изложил свои соображения о главных чертах социально-политической и стратегической обстановки того времени.

Автор не просто утверждает, что Вишневский исповедовал принцип: «цельная вещь складывается в том случае, если все ее составные доконтральны, в подробностях увиденны художником», но и мастерски подтверждает это многочисленными деталями работы, например, над фильмом «Мы из Кронштадта».

Через всю книгу проходят многочисленные записки из дневника Вишневского, который тот умудрялся вести в любых обстоятельствах. Это не просто придает особую достоверность рассказываемому, но и раскрывает причину творческих побед писателя: голоса его героев услышаны в самой жизни...

О книге В. Хелемендика можно сказать его же словами, относящимися к собранию сочинений Вишневского: «Перед читателем во весь рост предстала цельная личность художника-гражданина, человека завидной судьбы, жизнь которого, как сказал в свое время В. Г. Белинский об истинно народном писателе, есть лучший комментарий на его творения, а творения — лучшее оправдание его жизни».

В. СВИНИННИКОВ.